

Шиллер Фридрих фон

Статьи по эстетике

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ф88

Ф88 **Фридрих фон Ш.**
Статьи по эстетике / Шиллер Фридрих фон – М.: Книга по Требованию, 2024. – 776 с.

ISBN 978-5-521-31127-9

ISBN 978-5-521-31127-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

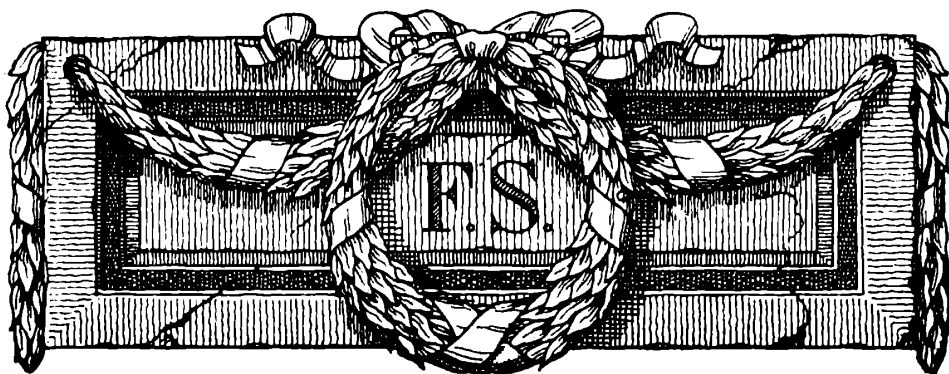
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Шмлер

С портрета маслом Л. Симановица 1794 г.

ШИЛЛЕР КАК ЭСТЕТИК

I

Время возникновения эстетической теории Шиллера

Период теоретических работ Шиллера охватывает приблизительно одно десятилетие. Он начинается за несколько лет до начала Великой французской революции и заканчивается вскоре после завершения ее термидорианского этапа. Таким образом, этот период в развитии Шиллера является непосредственным немецким откликом на Французскую революцию. И в дальнейшем мы покажем, что у великого немецкого писателя был не только внешний интерес к событиям времени, хотя и этот интерес составляет одну из существенных черт в облике Шиллера как художника и мыслителя; не даром в начале своих „Писем об эстетическом воспитании человека“ он выдвигает многозначительную категорию „гражданина времени“¹. Но этого мало: мы увидим, что размышления об идеологических проблемах периода Великой французской революции образуют центральный пункт философских и в частности эстетических взглядов Шиллера, что все его интересы вращаются вокруг этого центрального пункта.

Вопрос об идеологическом влиянии Великой французской революции на Германию принадлежит к тем сторонам немецкой литературы, которые наиболее систематично замалчивались или же искажались буржуазными литературоведами. Мы не можем даже сказать, что сейчас уже собран весь соответствующий материал, хотя бы в сыром виде; о сколько-нибудь серьезном анализе отношения немецкой буржуазной интеллигенции к Великой французской революции не может быть и речи. Пока еще начали только извлекать из-под спуда отдельные

¹ „Об эстетическом воспитании человека“, Письмо второе, 202.

высказывания в защиту Французской революции (например, Георга Фёрстера). Но даже и гораздо более полная свodka этого материала, которая значительно облегчила бы нашу работу, была бы недостаточна для целей настоящей статьи, вытекающих из всей постановки вопроса о Шиллере. Ибо у Шиллера — как и у других великих немецких идеологов, размышлявших над проблемами периода Французской революции, у Канта и Фихте, у Гегеля и Гете и др. — мы имеем дело не только с непосредственным *политическим* реагированием на французские события. Конечно, факт самого реагирования чрезвычайно ярко выражен у Шиллера; именно из него мы будем исходить в нашем анализе, так как он определил собою направление интересов великого писателя. Одной из важнейших задач марксистской истории немецкой литературы является подробное и систематическое исследование того, как немецкая буржуазная интеллигенция воспринимала Французскую революцию. Нашим исследователям еще предстоит установить, представители каких слоев буржуазии были за или против Французской революции, за или против ее отдельных этапов и направлений, и каковы были при этом их политические и философские установки. Но этим вопрос далеко не исчерпывается. Вопрос о прогрессивности великого периода немецкой классической философии и поэзии не может быть разрешен так просто с помощью одного только этого критерия: приемлется или не приемлется Французская революция.

Все зависит от отношения того или другого мыслителя к великим проблемам всей рассматриваемой эпохи в *целом*. А героические годы Французской революции составляли только *один*, хотя и решающий этап этой эпохи. Героический этап осуществил задачу своего времени, он освободил от уз и утвердил современное буржуазное общество. „...Как ни мало героично буржуазное общество, для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование, террор, междоусобная война и битвы народов“¹.

Этот ход событий во Франции, от великих революционных бурь 1793—94 гг. через Термидор, Директорию и Империю вплоть до Реставрации, параллельно и в теснейшей связи с промышленной революцией в Англии, определил собою идеологическое развитие не только Англии и Франции, но и всей Европы и в частности Германии. Именно поэтому высказывания отдельных современников за или против героического этапа Французской революции ни в коем случае нельзя брать изолированно и формально: при оценке этих высказываний важно знать, как относился данный современник к социальному со-

¹ К. Маркс, „18 брюмера Луи Бонапарт“ Соч., VIII, 324.

держанию и значению важнейших конкретных моментов революции, гениальную характеристику которых мы находим у Маркса: „После падения Робеспьера,— пишет он,— начинается эра *прозаического* осуществления *политического* просвещения, которое раньше хотело *превзойти* самого себя, которое *утопало в преувеличениях*. Революция освободила буржуазное общество от феодальных пут и официально призывала его, как ни старался впоследствии *терроризм* принести это общество в жертву антично-политическому строю жизни. Но только при правительстве *Директории* стремительно вырывается наружу и закипает ключом настоящая жизнь *буржуазного общества*. Горячка коммерческих предприятий, страсть к обогащению, опьянение новой буржуазной жизнью, где на первых шагах наслаждение принимает дерзкий, легкомысленный, фривольный, одурманивающий облик; *действительно* просвещенное использование французских *земель*, феодальное расчленение которых разбито было молотом революции и которые лихорадочная горячность бесчисленных новых собственников подвергла теперь всесторонней обработке; первые движения освободившейся промышленности,— все это были отдельные жизненные симптомы только что пародившегося буржуазного общества. *Буржуазное общество* находит своего *положительного* представителя в *буржуазии*. Буржуазия *вступает* таким образом на путь своего господства. *Права человека* перестают существовать *исключительно* только в *теории*“. Эта линия развития продолжается и в период уже не „мечтательного терроризма“ Наполеона. Наполеон „завершил терроризм, поставив на место *перманентной революции* *перманентную войну*“¹. Лишь после падения Наполеона буржуазное общество выступает во всей своей обнаженной прозе. „Едва новая общественная формация успела сложиться, как исчезли допотопные гиганты и все римское, воскресшее из мертвых... Трезво-практическое буржуазное общество нашло себе истинных истолкователей и представителей в Сеях, Кузенах, Ройе-Колларах, Бенжамене Констане, и Гизо; его настоящие полководцы заседали в коммерческих конторах, его политическим главой был жирноголовый Людовик XVIII“².

Идейное или творческое овладение всем этим развитием со всеми его противоречиями (поскольку такое овладение было вообще доступно для буржуазного сознания) было задачей последних идеологических героев буржуазии этой эпохи — Гете и Гегеля, Бальзака и Рикардо. Идейное овладение всем этим процессом развития привело к столь предельному обострению противоречий буржуазного общества в соб-

¹ К. Маркс, „Святое семейство“, III, 151—152.

² К. Маркс, „18 брюмера Луи Бонапарт“, VIII, 324.

ственных представлений его идеологов, что дальше уже нельзя было двигаться на буржуазных путях, оставаясь на той же высоте теоретической мысли. Это привело и к тому, что другие великие деятели того же периода (Сен-Симон, Фурье и Оуэн) подошли уже к отрицанию капиталистического общества, к утопическому предвосхищению социального общества, еще не отдавая себе отчета в исторической роли пролетариата.

В проявлениях великого переворота этой эпохи обнаруживаются впервые в совершенно чистом виде основные противоречия общественного бытия буржуазии, а следовательно, и ее сознания. Энгельс резко подчеркивает этот специфический характер Великой французской революции, особенно в противоположность революции Английской: „Великая французская революция была третьим восстанием буржуазии, по первым, которое совершенно сбросило с себя религиозные одежды, и борьба в котором происходила открыто по линии политики. Она была также первым восстанием, которое действительно было доведено до конца, до уничтожения одной из борющихся сторон — аристократии, и до полной победы другой стороны — буржуазии“¹. Только после этой окончательной победы буржуазного общества могло начаться беспрепятственное развитие буржуазной экономики; только благодаря этой окончательной победе предстали во всей своей обнаженности все политические и идеологические противоречия буржуазного общества. До тех пор эти противоречия были, как правильно указывает Энгельс, одеты в религиозные покровы; но и там, где они проявлялись в нерелигиозной и даже антирелигиозной форме (у Гоббса, у французских материалистов), они частью маскировались неизбежными иллюзиями, которые связывались с будущей победой буржуазии, частью же они тогда еще не дозрели до своего полного раскрытия в самой общественной действительности. Именно этим обстоятельством — нераскрытостью этих противоречий — объясняется тот факт, не раз отмечавшийся Марксом и Энгельсом, что учение старых материалистов об обществе и истории неизбежно переходит в идеализм, тогда как философские идеалисты периода подготовки Французской революции создают диалектические шедевры исторического познания (например, Руссо).

Победа буржуазной революции порождает новое отношение между двумя сторонами буржуазной культуры, между „гражданином“ и „частным человеком“, между *citoyen* и *bourgeois*. Старое общество, феодаль-

¹ Ф. р. Э н г е л ь с, „Об историческом материализме“, Маркс и Энгельс, Избранные произведения, Партиздат, 1933, I, 314.

ный строй, говорит Маркс, „непосредственно имело политический характер, т. е. элементы гражданской жизни — например, собственность и семья, форма и способ труда — были возведены на высоту элементов государственной жизни в форме феодальных прав, сословий и корпораций. В этой форме они определяли отношение отдельной личности к государству как целому, т. е. ее политическое положение...“¹.

И дальше: „Политическая революция, признавая эту верховную власть и возвеличивая дело государственное на степень дела народного, конструировавшая политическое государство как общее дело, т. е. как действительное государство, по необходимости разбила все сословия, корпорации, цехи, привилегии, которые представляли собой многообразное выражение отрыва народа от общественной жизни. Политическая революция уничтожила тем самым политический характер гражданского общества. Она разбила гражданское общество на его простые составные части: с одной стороны, на индивидов, с другой — на материальные и духовные элементы, образующие жизненное содержание, гражданское положение этих индивидов. Она освободила от оков политический дух, одинаково разделенный, разложенный, растекшийся по различным тупикам феодального общества, собрала его воедино из этого рассеяния, освободила его от смешения с гражданской жизнью и конституировала его как сферу общности, всеобщего народного дела в идеальной независимости от тех особых элементов гражданской жизни. Определенная деятельность в жизни и определенное положение в жизни свелись к индивидуальному лишь значению. Они не устанавливали больше общего отношения индивида к государству как целому. Общественное дело как таковое стало напротив общим делом каждого индивида, а политическая функция — общей функцией. Но завершение идеализма в государстве было в то же время завершением материализма в гражданском обществе (подчеркнуто мною. — Г. Л.). Свержение политического ярма было в то же время свержением уз, сковывавших эгоистический дух гражданского общества. Политическая эмансипация была в то же время эмансипацией гражданского общества от политики, даже от видимости какого-нибудь общего содержания“². В этой неустранимой для буржуазного сознания двойственности коренятся все героические иллюзии борцов за возникающее буржуазное общество, все их религиозные и светские восторги перед идеальным „гражданственным“ миром — от религиозного естественного права Царства божия на земле у анабаптистов, через

¹ „К еврейскому вопросу“, Соч., I, 389.

² Там же, 389, 390.

мифологическую грезу якобинцев об античном полисе, до классицизма Наполеоновской империи.

С победой буржуазии, с раскрытием экономических последствий великого переворота эти грезы и иллюзии должны были развеяться. Но даже самое диципное, самое реалистическое отрезвление не могло, пока оно оставалось буржуазным, оторваться от почвы противоречий. При самой беспощадной критике буржуазной лизости и подлости критиками прилагался и мог прилагаться только исчезнувший мифический масштаб героического великолепия „гражданствепного“ мира (как это имело место, например, у Стендаля). Но на буржуазной почве двойственность „гражданина“ и буржуа не могла быть уничтожена и обратным способом: нельзя было ограничиться одной лишь материальной сторопой и с презрением отбросить идеал „гражданина“ как простую видимость и иллюзию. Конечно, „гражданин“, даже героический „гражданин“ террористического периода Французской революции, был лишь слугой и агентом буржуа; но тем не менее необходимость идеалистической гражданственности, хотя бы и совершенно выродившейся по своему общественному содержанию, остается неизбежной идеалистической иллюзией буржуазного человека. „Там, где политическое государство достигло своего действительного развития, человек не только в мыслях, в сознании, а в действительности, в жизни, ведет двоякую жизнь, небесную и земную, жизнь в политическом общежитии, в котором он выступает как общественное существо, и жизнь в гражданском обществе, в котором он действует как частное лицо, рассматривает других людей как средство, пизводит самого себя до средства и становится игрушкой чуждых сил. Политическое государство относится к гражданскому обществу так же спиритуалистически, как небо к земле“¹. Эта двойственность в общественном бытии буржуа становится все более мучительной и трагической с развитием капитализма. Когда окончился героический период образования буржуазного общества, когда начался расцвет капиталистической экономики и ясно обнаружались свойственные ей противоречия, когда впервые выступил на сцену пролетариат, тогда перспективы будущего стали все больше омрачаться в глазах виднейших буржуазных мыслителей и поэтов. В последних произведениях Гете царит настроение резиньяции, поздние сочинения Бальзака проникнуты глубочайшим пессимизмом во взглядах на будущность буржуазного общества. А Генрих Гейне, последний великий представитель этой плеяды поэтов и мыслителей, уже видит неизбежную гибель

¹ Там же, 376.

буржуазного общества, неизбежную победу пролетариата. Он одновременно оплакивает эту гибель как гибель культуры и приветствует ее как конец капиталистического рабства человека.

Гегель и Рикардо могли еще, каждый по-своему, дать синтез противоречий буржуазного строя в импозантных системах, утверждавших буржуазное общество со всеми его противоречиями. Но когда их последователи попытались приложить их системы к дальнейшему развитию общества, эти системы неизбежно распались. Один путь привел к диалектическому материализму Маркса и Энгельса, к мировоззрению пролетариата, другой — к апологетике все более опускающихся буржуазных идеалов, к вульгарной политической экономии, к академически-эклетической философии.

Классическая немецкая философия и поэзия могут быть поняты только как составная часть идеологического развития всей буржуазии, т. е. как интернациональное явление, имеющее интернациональные корни. Но этой интернациональностью не устраняется их специфически немецкий характер. Если французская буржуазия *на деле* уничтожила феодализм и создала буржуазное общество, если она *на деле* отвоевала и пережила свой девятый третий год, свой термидор и т. д.; если английская буржуазия была *на деле* носительницей промышленной революции, — то в Германии это развитие протекало в рамках феодально-абсолютистского убожества миниатюрных государств; в нем отобразились одновременно и великие всемирно-исторические события, и глубокая отсталость экономической, общественной и политической жизни страны. В этом противоречии заложены специфические проблемы классической немецкой философии и поэзии: их грандиозность и их мелочность, их стремление подняться над уровнем западных стран и одновременно их огромная отсталость по сравнению с последними. Так, например, особенное величие Гегеля состоит в том, что он понял (как никто, кроме Бальзака) единство развития Франции от Революции и Наполеона до Реставрации; по его Термидор, его империя были только мыслешными рефлексамн чуждого мира в иной общественной среде, еще далеко отстоявшей от своего 1789 года, и этот факт проявился в его конкретной философии общества в виде целого ряда специфических противоречий, проистекавших из бессознательного отождествления до- и послереволюционных общественных тенденций. И такого же рода противоречия мы встречаем у Фихте, который остался верен якобинским идеалам после Термидора и дал в своем „Замкнутом торговом государстве“ запоздалое и искаженное на немецки-бюрократический лад воспроизведение военно-экономической политики Робеспьера. Во время „освободительных“ войн против Наполеона Фихте запутался

в сетях неразрешимых для него противоречий этой борьбы („возрождение сочетающееся с реакцией“, Маркс) и погиб в этих сетях как философ. Аналогичные противоречия делают фигуру Гете „то колоссальной, то мелочной“, и они же составляют, как мы увидим в дальнейшем, основу теоретической и художественной деятельности Шиллера.

♥ То особое, руководящее положение, которое занимает в этот период Германия в области философии, связано с ее экономической отсталостью. Исторические факты говорят о том, что смелость философского обобщения социальных проблем, философского углубления вопросов, выдвигаемых развитием естествознания, в эпоху восхождения буржуазии не всегда соответствует высоте экономического развития и обострению классовой борьбы. Вообще для эпохи восхождения буржуазии характерно то, что моменты расцвета философии (правда, с известными ограничениями) *предшествовали* приходу буржуазии к власти. Так это было в Англии: Бэкон и Гоббс были материалистами, а „славная революция“ принесла с собой значительное падение остроты и смелости в постановке философских вопросов у представителей господствующих верхов и имела своим последствием в философии переход от материализма к сенсуалистическому агностицизму. То же мы видим во Франции, где великое философское развитие от Декарта до энциклопедистов и Руссо закончилось с победой Революции, уступив место идеалистическому эклектизму. Так и великая эпоха немецкой философии от Лейбница до Гегеля завершилась в период еще не развернувшихся капиталистических противоречий в Германии, задолго до утверждения господства немецкой буржуазии. Но в период своего философского расцвета Германия экономически гораздо более отстала от общего уровня, чем, например, Франция отставала от Англии в XVIII веке. Этим объясняется прежде всего тот факт, что развитие немецкой мысли протекало на почве философского идеализма, между тем как в Англии и Франции периоды подъема были вместе с тем периодами разработки материалистической философии. Но неравномерность развития проявляется здесь именно в том, что идеализм немецкой философии был единственной формой, которую могла принять в эту эпоху постановка основной философской проблемы — проблемы диалектики. Правда, идеалистическая ограниченность этой философии не позволяет ей, даже Гегелю, ставить и решать проблемы без их искажения, без ошибок как раз в самых решающих пунктах, но в этом противоречии опять-таки проявляется лишь общая основная черта буржуазной культуры: старый материализм не был в состоянии даже поставить эти проблемы — идеализм не способен дать их удовлетворительное решение.